

Народные русские сказки (Афанасьев)/Золотой башмачок

292[1]

Жил-был старик со старухой. У старика, у старухи было две дочери. Старик однажды поехал на посад[2] и купил там одной сестре рыбку и другой тоже рыбку. Старшая скушала свою рыбку, а младшая пошла на колодец и говорит:

— Матушка рыбка! Скушать ли тебя или нет?

— Не кушай меня, — говорит рыбка, — а пусти в воду; я тебе пригожусь.

Она спустила рыбку в колодец и пошла домой. Старуха очень не любила своей младшей дочери. Она нарядила сестру её в самое лучшее лопотье[3] и пошла с ней в церковь к обедне, а младшей оставила две меры ржи и велела ей вышестать[4] до прихода из церкви.

Девушка пошла за водой, сидит у колодца и плачет; рыбка выплыла наверх и спрашивает её:

— Об чём ты, красная девица, плачешь?

— Как же не плакать мне? — отвечает ей красная девица. — Мати нарядила сестру мою в самое лучшее лопотье, ушла с ней к обедне, а меня оставила дома и велела вычистить две меры ржи до прихода своего из церкви!

Рыбка говорит:

— Не плачь, ступай наряжайся да поезжай в церковь; будет рожь вычищена!

Она нарядилась, приехала к обедне. Мати не могла её опознать. Обедня зачала отходить, девушка уезжает домой; мати тоже приходит домой и спрашивает:

— Что ты, дура, вычистила ли рожь?

— Вычистила, — отвечает она.

— Что у обедни была за красавица! — говорит мати. — Поп не поёт, не читает — всё на ей глядит; а ты, дура, взгляни-ка на себя, в чём в эком ходишь!

— Хоть не была, да знаю! — говорит девица.

— Где тебе знать? — сказала ей мати.

На другой раз мати нарядила старшую дочь свою в самое лучшее лопотье, пошла с ней к обедне, а младшей оставила три меры жита и говорит:

— Покамест я молюсь богу, ты вышестай жито.

Вот она и пошла к обедне, а дочь пошла по воду на колодец; сидит у колодца и плачет. Рыбка выплыла наверх и спрашивает:

— О чём, красна девица, плачешь?

— Как же не плакать, — отвечает ей красна девица, — мати нарядила сестру мою в самое лучшее лопотье, пошла с ней к обедне, а меня оставила дома и велела вычистить три меры жита до прихода своего из церкви.

Рыбка говорит:

— Не плачь, ступай наряжайся да поезжай за ней в церковь; жито вычистится!

Она нарядилась, приехала в церковь, стала богу молиться. Поп не поёт, не читает — всё на неё глядит! Обедня зачала отходить. Был в то время у обедни той стороны царевич; красна девица наша больно ему поглянулась; он захотел узнать: чья этакая? Взял да и бросил ей под башмак смолы. Башмак остался, а она уехала домой.

— Чей башмак, — говорит царевич, — ту замуж возьму!

Башмак-от был весь вышит золотом. Вот и старуха пришла домой.

— Что там была за красавица! — говорит она. — Поп не поёт, не читает — всё на неё смотрит; а ты, дура, посмотри-ка на себя: что эка за оборванка!

А в тепоры царевич по всем волостям искал девицы, что потеряла башмак; никак он не мог найти, чтоб башмачок был впору. Он пришёл к старухе и говорит:

— Покажи-ка ты свою девку, ладен ли будет башмак ей?

— Дочь моя замарает башмак, — отвечает старуха.

Пришла красна девица; царевич примерил ей башмак — башмак ей ладен. Он взял её замуж; стали они жить да поживать да добра наживать. Я там был, пиво пил, по губам текло, в рот не попало. Дали мне синь кафтан, ворона летит да кричит: «Синь кафтан! Синь кафтан!» Я думаю: «Скинь кафтан!» — взял да и скинул. Дали мне колпак, стали в шею толкать. Дали мне красные

башмачки, ворона летит да кричит: «Красные башмачки! Красные башмачки!» Я думаю: «Украл башмачки!» — взял да и бросил.